

Проигранный гамбит: третья война между Израилем и Египтом, её причины и уроки

А.Д. Эпштейн

Институт им. Яакова Герцога (Иерусалим)
Центр изучения Израиля и диаспоры (Иерусалим)

Евгений Максимович Примаков знал Египет и Израиль так хорошо, как, пожалуй, никто больше в России: в 1965–1969 гг. он работал в Каире, где с тех пор бывал регулярно, будучи лично знакомым со всеми высшими руководителями этой страны. С августа 1971 г. он неоднократно бывал в Израиле, где его собеседниками в разные годы были пять премьер-министров еврейского государства: Голда Меир, Ицхак Рабин, Менахем Бегин, Шимон Перес и Биньямин Нетаньяху. Каковы бы ни были его личные взгляды, воззрения и полномочия в разные годы его чрезвычайно интенсивной и многогранной деятельности, Ближнему Востоку очень не хватает государственных деятелей такого масштаба и такой глубины понимания геополитических и региональных процессов, которые отличали Евгения Максимовича, памяти которого посвящается эта статья.

Июньская война 1967 г., именуемая в западной и израильской историографии Шестидневной, кардинально изменила расстановку сил на Ближнем Востоке. Об этой войне опубликованы десятки книг и многие сотни научных статей. Отличие настоящего исследования от других публикаций состоит в том, что в нём демонстрируется центральная роль египетского руководства в том, что эта война, к которой никто не стремился, все же вспыхнула, но при этом показывается, что это руководство было движимо соображениями и интересами общеарабской солидарности, которые в данном случае в значительной мере противоречили интересам самого Египта. Посредством анализа войны между Израилем и Египтом в июне 1967 г. и причин, приведших к ней, доказывається, что они в значительной мере лежали вне контекста отношений между двумя странами.

Трагический опыт июня 1967 г. важен в наши дни, когда утверждается как само собой разумеющийся факт, будто между Израилем и Египтом не может вспыхнуть новая война в связи с тем, что после возвращения Синайского полуострова этим странам, дескать, нечего больше делить. Однажды – в марте 1957 г. – Синай уже был Израилем Египту возвращён, сложилась та же ситуация отсутствия территориальных претензий, однако она не предотвратила резкое обострение конфликта в мае 1967 г. и последующую вспышку боевых действий. Другой важный урок состоит в том, что именно тогда стало отчетливо ясно: безопасность той или иной страны, в частности, Израиля, не может быть гарантирована ни размещением «голубых касок», ни получением американских гарантий. Как показали события

УДК 327

Поступила в редакцию: 10.08.2019 г.

Принята к публикации: 20.08.2019 г.

второй половины мая 1967 г., и контингент сил ООН, и американские власти готовы самоустраниться тогда, когда задача предотвращения войны стояла наиболее остро.

Ключевые слова: Ближний Восток, арабо-израильский конфликт, Шестидневная война, Израиль, Египет, Сирия, панарабизм, Чрезвычайные силы ООН

Июньская война 1967 г., именуемая в западной и израильской историографии Шестидневной, кардинально изменила расстановку сил на Ближнем Востоке. Об этой войне опубликованы десятки книг и многие сотни научных статей, в том числе и самим автором (Эпштейн, Урицкий 2003), доступных заинтересованному читателю. Отличие этого исследования от других публикаций состоит в том, что в нём демонстрируется центральная роль египетского руководства в том, что эта война, к которой никто не стремился, все же вспыхнула, но при этом показывается, что это руководство было движимо, прежде всего, соображениями и интересами общеарабского единства, которые в данном случае в значительной мере противоречили интересам самого Египта. Иными словами, сделав акцент на анализе войны между Израилем и Египтом в июне 1967 г. и причин, сделавших её возможными, мы доказываем, что эти причины в значительной мере лежали вне контекста отношений между самими этими двумя странами.

Хотя эта война по факту началась с нападения израильских военно-воздушных сил на египетские аэродромы, она отнюдь не была двусторонней: боевые действия велись и на иорданском, и на сирийском фронтах, в результате чего оба эти государства лишились значительных территорий – соответственно, Западного берега реки Иордан, включая Восточный Иерусалим, и Голанских высот. Огромно было влияние этой войны и на палестинских арабов, ибо впервые все территории, на которых, согласно резолюции №181 Генеральной ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г.¹, должно было быть создано их национальное государство, находились под контролем одной-единственной страны – Израиля, а не трех (Израиля, Иордании и Египта), как это было с 1949 по 5 июня 1967 г. Эта война, в ходе которой Советский Союз почти на четверть века разорвал с Израилем дипломатические отношения, оказала огромное влияние на всю геополитику великих держав на Ближнем Востоке. Но как бы ни были важны все эти темы, они неизбежно остаются за рамками настоящей статьи, ограниченной проблематикой двусторонних отношений между Государством Израиль и Арабской Республикой Египет.

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН/RES/181 (II) от 29 ноября 1947 г. “Будущее правительство Палестины” / [Электронный источник] // Путь доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/181%28II%29>

Напомним, однако, что в то время Египет так не назывался, сохраняя «титул» Объединенной Арабской Республики – и, в значительной мере, именно в этом были корни проблемы. Хотя Сирия вышла из ОАР после переворота, произошедшего в Дамаске 28 сентября 1961 г., когда правивший там наместник Г.А.Насера Абд эль-Хаким Амер (1919–1967) был вначале арестован, а затем выслан обратно в Каир, а обсуждавшийся весной 1963 г. проект объединения в единое государство Египта, Сирии и Ирака так и не был реализован, до самой кончины Г.А. Насера – и короткое время после этого – Египет продолжал именоваться Объединенной Арабской Республикой, соответствующим образом определяя свой внешнеполитический курс. Важно подчеркнуть, что *третья война между Египтом и Израилем стала результатом процессов, которые ни египетским, ни израильским интересам отнюдь не соответствовали*. Ни премьер-министр Израиля Леви Эшколь (урожденный Школьник, 1895–1969), ни президент Египта Гамаль Абд эль-Насер (1918–1970) не были заинтересованы в войне, боевыми действиями в которой они, однако, оказались вынуждены руководить с разной степенью успеха.

Мотивы руководства Израиля

Весной 1967 г. представители израильского генералитета неоднократно угрожали Сирии рейдами возмездия, если та не прекратит поддержку диверсионных вылазок палестинских террористических групп со своей территории, и даже провели один из них. 7 апреля 1967 г. шесть самолетов МиГ ВВС Сирии были сбиты израильской авиацией над сирийской территорией (Gluska 2007: 100–101); при этом, насколько известно, планы подобного рода операции не обсуждались ни в правительстве Израиля, ни в его президиуме (т.н. военно-политическом кабинете) и не утверждались им – армейское командование в значительной мере действовало самостоятельно, исходя из собственных оперативно-тактических оценок (Gluska 2007: 100–103). 10 мая начальник Генштаба Израиля генерал армии Ицхак Рабин (1922–1995) сообщил, что в случае продолжения провокаций со стороны Сирии, вооруженные силы Израиля начнут наступление на Дамаск и свергнут президента Сирии Нуреддина эль-Атасси (1929–1992); сверг его, однако, не Израиль, а собственный министр обороны Хафез Асад, правда, три с половиной года спустя, в ноябре 1970 г., после чего он на протяжении двадцати двух лет находился в заключении в военной тюрьме. 12 мая руководитель военной разведки генерал Аарон Ярив (урожденный Рабинович, 1920–1994) на брифинге для журналистов высказался в угрожающем ключе: «Если Сирия продолжит свой саботаж в отношении Израиля, она тем самым спровоцирует против себя военные действия, целью которых будет свержение правящего режима» (Middle East Record – 1967: 183–204).

В арабском мире и в Москве эти действия и высказывания сочли свидетельством плана израильской атаки на Дамаск с целью смены правящего режима

в этой стране – и сделали из этого весьма конкретные выводы. Эти выводы, однако, были поспешными и, скорее, ошибочными, сделанными вследствие неверного понимания сложных отношений внутри израильского военно-политического руководства. И Леви Эшколь, бывший тогда главой правительства и министром обороны, и Голда Меир, в то время – генеральный секретарь правящей Партии Труда (после смерти Л. Эшколя в 1969 г. именно она стала во главе правительства), и президент страны Залман Шазар были сторонниками сдержанности, все они стремились избежать войны. Генералы могли делать более или менее воинственные заявления, они могли инициировать те или иные ограниченные военные операции на суше и в воздухе, они могли считать не имевшего военного опыта Л. Эшколя человеком, лишь по недоразумению занимавшим пост министра обороны, но решение о том, начинать ли войну, в любом случае не было их прерогативой – а в правительстве Израиля в первой половине мая 1967 г. сторонников превентивного начала боевых действий на каком бы то ни было фронте (против Сирии, против Египта или любой другой страны) не было. Более того: когда 15 мая 1967 г. Ицхак Рабин попросил Леви Эшколя утвердить чрезвычайный призыв резервистов, то этот запрос был отклонен (Гольдштейн 2003: 539).

Враждебное отношение со стороны арабских стран, ни одна из которых в то время официально не признавала элементарное право Израиля на существование, беспокоило всех, но в политическом руководстве доминировала точка зрения, согласно которой это положение терпимо до тех пор, пока оно не превращалось в реальную угрозу. Израиль не стремился к войне с Сирией и не искал повода для неё, несмотря на то, что напряжённость в отношениях между этими двумя странами нарастала на протяжении трех предшествовавших лет. В дополнение к «старым» конфликтам, касавшимся демилитаризованных территорий и проблемы судоходства по озеру Кинерет и ловли рыбы в нём, не урегулированным со времени Войны за независимость, осенью 1964 г. добавился и новый конфликт, значительно поднявший уровень напряжённости между двумя странами. На сей раз дело касалось отвода Сирией вод реки Иордан (Звягельская 2012: 150), что грозило Израилю, тогда ещё не построившему современные опреснительные заводы, катастрофической нехваткой питьевой воды. Кроме того, осуществлявшаяся при поддержке властей Сирии «народная» вооруженная борьба партизанских палестинских сил, проводивших диверсионные операции на территории Израиля, пользуясь помощью сирийской армии и её разведывательных служб, провоцировала израильских военных на ответные операции, которые порой шли отнюдь не так, как задумывалось.

Израильско-египетские отношения оказались заложниками проблем во взаимоотношениях между другими странами, а именно Израилем, Сирией и Советским Союзом. Война началась тогда, когда между двумя странами уже более десяти лет поддерживался взаимоприемлемый уровень статус-кво: отсутствовали дипломатические отношения, торговые, экономические и культурные свя-

зи, но не было и инцидентов на границах. Иными словами, мира между Египтом и Израилем не было де-юре, но он, так или иначе, поддерживался де-факто. Полезно сравнить положение дел в 1990 е и 2000 е гг. с тем, которое существовало в 1957–1967 гг., чтобы понять, сколь, увы, небольшое на самом деле изменил подписанный в Кемп-Дэвиде мирный договор.

Мотивы руководства Египта

Несмотря на то, что Гамаль Абд эль-Насер не единожды объяснял сирийцам, что он не будет ввязываться в войну с Израилем, пока не будет к ней полностью готов, он все-таки предпринял некоторые демонстративные шаги, которые имели целью, главным образом, укрепить его престиж в глазах руководителей других арабских стран и их жителей – но которые, пусть даже он и совсем не обязательно хотел этого, имели катастрофические последствия. Г.А. Насер несомненно был египетским патриотом – но столь же несомненны были его панарабские устремления. Идея сплочения всех арабских народов была важна и близка ему, он видел себя человеком, который может и должен способствовать ее реализации. Нельзя сказать, что Г.А. Насера пугала сама идея войны с Израилем и нельзя сказать, что он к ней совсем не готовился – но нельзя сказать и то, что таковая война соответствовала его желаниям и устремлениям. Скажем прямо: *если бы Г.А. Насер был движим египетскими и только египетскими интересами, никому бы не удалось заставить его ввязаться в войну с Израилем, смысл которой был для Египта совершенно не очевиден.* К июню 1967 г. Г.А. Насер стоял во главе Египта уже более тринадцати лет, и совершенно непонятно, с чего и почему ему вдруг потребовалось нападать на Израиль, от чего он поддерживался на всем протяжении своего пребывания у власти.

Если бы, скажем, Г.А. Насер на самом деле так хотел помочь палестинским арабам обрести свое государство, что он даже санкционировал проведение в 1964 г. в Каире учредительного съезда Организации освобождения Палестины, то он мог хотя бы передать ей власть в секторе Газа, который с 1948 г. находился под египетским контролем – но на этот шаг египетские власти так и не пошли. *К войне против Израиля Г.А. Насера подталкивал панарабский вектор его политики, который интересам собственно Египта в данном случае противоречил.* В этом смысле можно сравнить действия египетских руководителей, готовых ввязаться в войну ради защиты – не так важно, подлинной или мнимой – своих сирийских союзников с тем, как Советский Союз согласился направить свои войска на помощь как бы дружественному режиму в Афганистане: как для Египта, так и для СССР эта «братская помощь» обернулась очень большими бедами.

В ноябре 1966 г. Египет подписал пакт о военном сотрудничестве и взаимопомощи с Сирией. Показательно, однако, отношение к этому документу высших египетских руководителей. Анализируя встречу министра иностранных дел СССР А.А. Громыко и его заместителя В.В. Семенова с Ануаром Садатом, за-

нимавшим тогда пост председателя Национального собрания ОАР (а после кончины Г.А. Насера ставшего президентом), прошедшую 13 мая 1967 г. в Москве, Р.Д. Дауров справедливо указал: «Из ответа Садата складывалось впечатление, что, во-первых, Египет не горел желанием воевать против Израиля и предпочел бы преподать урок Тель-Авиву руками сирийцев, а, во-вторых, не всё так гладко было в сирийско-египетских отношениях» (Дауров 2009: 38). Процитируем слова А. Садата по сохранившемуся протоколу этой встречи: «Сирийцы любят выступать с резкими заявлениями в адрес Израиля, однако ... тот, кто действительно хочет уничтожить Израиль, должен меньше говорить и больше делать... Мы готовы предоставить Сирии самолёты и лётчиков, но *наши самолёты не могут действовать против Израиля с территории ОАР*»².

Так, однако, рассуждали в египетском руководстве не все. В ходе встречи с советским послом Д.П. Пожидаевым (1913–1989) 16 мая 1967 г. военный министр Шамс эд-Дин Бадран, обсуждая возможность нападения израильской армии на Сирию, отметил: «Если это произойдет, то ОАР немедленно выступит в защиту Сирии» (Примаков 2012: 115). Спустя менее чем неделю, 22 мая, уже лично Г.А. Насер сказал послу Д.П. Пожидаеву: «Израиль и его покровители, очевидно, считают, что ОАР завязла в Йемене и не может оказать Сирии эффективную помощь. ОАР должна доказать беспомощность такого расчёта» (Примаков 2012: 119–120). Повторим это вновь: *третья война между Израилем и Египтом вспыхнула тогда, когда у сторон не было никаких территориальных или иных значимых претензий друг к другу, когда обе они на протяжении более чем десяти лет жили в атмосфере относительного взаимного спокойствия*. Резкая и драматичная эскалация ситуации на израильско-египетской границе по инициативе Египта во второй половине мая 1967 г. произошла по причинам, непосредственно двусторонних отношений не касавшимся.

Это крайне важно понимать тем, кто выдвигает всевозможные аргументы относительно того, почему между Израилем и Египтом не может вспыхнуть новая война в связи с тем, что после возвращения Синая этим странам, дескать, нечего больше делить. *Нужно помнить, что однажды – в марте 1957 г. – Синай уже был Израилем Египту возвращен, сложилась та же ситуация отсутствия территориальных претензий, однако резкое обострение отношений в мае 1967 г. и последующую вспышку боевых действий она не предотвратила*.

Эскалация конфликта

Советские стратеги искали способ удержать Израиль от активных действий по отношению к дружественному Москве режиму в Сирии; угроза открытия второго фронта на юге казалась руководителям в Москве и в Дамаске надёжным

² Запись беседы министра иностранных дел СССР А.А. Громыко с председателем Национального собрания ОАР А. Садатом, 13 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики РФ. Москва: Международный фонд «Демократия», 2003. Том 2. С. 551–552.

способом удержания израильтян от начала боевых действий на севере. События, однако, имели свою динамику, постепенно выйдя из-под чьего-либо контроля.

16 мая Г.А.Насер в рамках обещанной Сирии «помощи солидарности» направил египетские войска на восток Синайского полуострова. 18 мая он отправил письмо Генеральному секретарю ООН У Тану с официальным требованием вывести международные войска (их численность на тот момент составляла 3 400 человек) с Синайского полуострова. В письме, направленном У Тану, по свидетельству первого вице-президента ОАР А.Амера, правительство ОАР указало, что «район, в котором были дислоцированы чрезвычайные вооруженные силы ООН, является частью египетской территории, и поэтому законное требование ОАР об эвакуации этих войск не может быть предметом дискуссий»³ и что ОАР «не желает больше, чтобы на её территории находились иностранные войска»⁴.

Эти события должны стать уроком для всех, кто считает, будто безопасность той или иной страны, в частности, Израиля, может быть гарантирована размещением «голубых касок»: как показали события второй половины мая 1967 г., контингент сил ООН готов по первому требованию покинуть регион Ближнего Востока тогда, когда задача предотвращения войны стоит наиболее остро, причем никто в ООН не понес за это никакой ответственности.

Уже 20–21 мая войска ООН покинули Синайский полуостров, который сразу же был занят египетскими войсками. 22 мая по приказу египетского руководства был перекрыт путь для прохождения в порт Эйлат на Красном море для судов Израиля и других государств. Сразу после этого министр иностранных дел Израиля Абба Эвен (1915–2002) последовательно посетил Францию, Великобританию и Соединенные Штаты с тем, чтобы требовать исполнения обязательств по защите свободы израильского судоходства, которые были даны за десять лет до этого (Шалом 2007: 287–355). Перед тем, как Израиль согласился оставить Шарм-аш-Шейх, в начале 1957 г. госсекретарь США Джон Фостер Даллес (1888–1959) заверил правительство Израиля в том, что, по мнению американской администрации, Тиранский пролив является жизненно необходимой для Израиля водной артерией. Об этом свидетельствовала и Голда Меир, бывшая в 1956–1966 гг. министром иностранных дел Израиля:

«В конце февраля 1957 г. мы достигли некоего компромисса. Последние наши части уйдут из Газы и Шарм-эль-Шейха в ответ на то, что Объединенные Нации гарантируют право Израиля на свободу судоходства через Тиранский пролив и что египетским солдатам не разрешено будет вернуться в район Газы. Это было немного и не за это мы боролись – но это было всё, чего мы смогли добиться, и все-таки лучше, чем ничего.

³ Цит. по: Запись беседы посла СССР в ОАР Д.П. Пожидаева с первым вице-президентом ОАР А. Амером, 19 мая 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Том 2. С. 557.

⁴ Цит. там же.

3 марта 1957 г., предварительно проверив и уточнив каждую запятую с м-ром Даллесом в Вашингтоне, я сделала заключительное заявление: «Правительство Израиля в настоящее время готово объявить свой план скорого и полного отступления из Шарм-эль-Шейха и Газы. Согласно резолюции от 2 февраля 1957 г., нашей единственной целью было обеспечить, после отступления израильских вооруженных сил, постоянную свободу навигации для израильского и международного судоходства в Акабском заливе и Тиранском проливе»⁵.

Помня об этом, дипломатические круги Израиля были уверены в том, что если и не все Объединенные Нации, то как минимум США и их союзники будут гарантировать Израилю свободный проход судов к Эйлату. Все попытки израильской дипломатии организовать международную «регату солидарности» судов разных стран в порт Эйлат оказались безуспешными (Oren 2002: 103–106 & 140–143).

Голда Меир вспоминала: «Насер ждал реакции. Ждать ему пришлось долго. Никто ничего особенного не собирался предпринимать по этому поводу. Ну, конечно, были и протесты, были и сердитые заявления. Президент Джонсон заявил, что блокада “незаконна” и “потенциально разрушительна для дела мира”, и предложил, чтобы конвой судов, включая и израильские, прошел через пролив и не поддавался запугиванию. Но даже он не мог уговорить англичан и французов присоединиться к нему»⁶. Он, в общем, особо и не пытался, думая прежде всего о том, как бы не ввязаться на Ближнем Востоке во «второй Вьетнам», и как бы не спровоцировать резкое ухудшение и без того бывших не блестящими американо-советских отношений; проблемы Израиля интересовали президента США в значительно меньшей степени (Эпштейн 2014: Т. 1, 220–242).

В самом начале июня в Вашингтон был направлен глава Службы внешней разведки «Моссад» Меир Амит (урожденный Слуцкий, 1921–2009), который подробно разъяснил своим американским собеседникам, что Израиль больше не может бездействовать, так как дальнейшее ожидание в состоянии многодневной мобилизации резервистов губительно для его экономики, а страх перед египетским вторжением все увеличивается, создавая в обществе атмосферу ожидания второго Холокоста. М. Амит надеялся добиться от американцев конкретных обязательств по обеспечению безопасности Израиля, аналогичных тем, которые Советский Союз предоставил Египту, но эти надежды не сбылись. Максимум, что М. Амит мог доложить правительству, состоял в том, что американцы не будут осуждать Израиль и требовать от него прекратить ведение боевых действий, как они требовали в ходе израильско-египетской войны в октябре 1956 г. (Shalom 2007: 440–443). Немало людей в Израиле и поныне считают, что лучшей и наиболее надежной гарантией обеспечения безопасности страны являются гарантии США – наиболее влиятельной мировой державы, однако

⁵ Меир Г. Моя жизнь. Москва/Иерусалим: «Мосты культуры», 2015 [пер. с изд. на иврите 1976 г.]. С. 316.

⁶ Там же. С. 364–365.

опыт 1967 г. (и не только он) свидетельствует, что в самые критические для Израиля дни американцы могут ограничиться лишь невмешательством в его дела и проблемы.

На протяжении многих лет в Израиле доминировала концепция, согласно которой все войны, которые когда-либо вело еврейское государство, были теми, которых невозможно было избежать (эта доктрина известна как принцип *No choice war*). Эта концепция, однако, называя вещи своими именами, не соответствовала исторической действительности, и первым из государственных деятелей об этом сказал, насколько известно, никто иной, как Менахем Бегин, выступая в 1982 г. перед выпускниками Колледжа национальной безопасности Израиля. Он верно указал, что ни вторую египетско-израильскую войну 1956 г., ни третью, начатую израильской армией 5 июня 1967 г., нельзя назвать неизбежными, что обе они были начаты по решению правительства Израиля, которое в обоих случаях имело веские причины для принятия именно такого решения – но которое, в принципе, оба раза могло действовать и по-другому. М. Бегин считал, что задача ответственного правительства состоит в том, чтобы определить, когда и в каких обстоятельствах начало боевых действий в наибольшей мере послужит национальным интересам, а цели с наиболее возможной прогнозируемой вероятностью будут достигнуты при минимальном числе жертв⁷. Начало войны 5 июня 1967 г. было результатом именно такого анализа, в котором, в отличие от событий 1956 г., и лично Менахем Бегин, будучи членом правительства, активно участвовал.

Большинство исследователей считают, что поведение Гамалы Абд эль-Насера в первой половине мая 1967 г. свидетельствовало о том, что он не имел далеко идущих планов. По замечанию И.Д. Звягельской, «Насер, связанный с Сирией договором о совместной обороне от 4 ноября 1966 г., был вынужден действовать. Он выбрал метод блефа, балансирования на грани войны, но каждый предпринимаемый им шаг не только не создавал условия для политического решения, но, напротив, лишь вел к эскалации напряженности» (Звягельская 2012: 153–154). Похоже, Насер лишь хотел продемонстрировать свою силу, чтобы упрочить собственный авторитет в арабском мире и подтвердить свою верность союзу с Сирией; таково было в то время и мнение израильской военной разведки (Bar-On 1998). Вопрос о том, каковы были подлинные намерения Г.А. Насера в конце мая 1967 г., однако, не имеет – и уже никогда не будет иметь – однозначного ответа. Насколько «расширились» его планы и выросла его вера в себя, свою армию и дипломатические таланты после того, как ему удалось без каких-либо уступок и без единого выстрела изгнать из страны контингент сил ООН? Г.А. Насер отказался от обязательств, взятых им на себя в марте 1957 г., в обмен на оставление израильской армией территории Газы и района Шарм-аш-Шейха; он захотел получить полную свободу действий, чтобы восстановить

⁷ Это выступление М. Бегина было полностью опубликовано в газете «Маарив» 20 августа 1982 г. (на иврите).

на израильско-египетской границе то положение, которое существовало непосредственно до второй израильско-египетской войны. Однако собирался ли он пойти дальше? Понятно, что у египетской армии были планы ведения войны против Израиля, как и у израильской армии – планы ведения войны против Египта, и вряд ли кто-то думает, что таких планов нет сейчас, но в распоряжении историков нет однозначных свидетельств того, что Г.А. Насер готовился к нападению на Израиль в конкретно определённой временной перспективе. Тогдашний президент США Линдон Джонсон считал, что события вышли из-под контроля египетского президента⁸, и вполне вероятно, что так оно в значительной степени и было.

При этом вопрос можно поставить и по-иному, и ответ на него придаст событиям другой угол зрения. Осознавал ли Г.А. Насер, что его крайне воинственные риторика и действия, сопровождавшиеся массовыми призывами резервистов в ряде арабских стран региона, могут побудить Израиль к превентивному началу военных действий? Вспомним, что 18 мая о мобилизации объявили Ирак и Кувейт, 21 мая – сам Египет, 24 мая – Иордания, хотя началась она в этой стране на неделю раньше; всеобщая мобилизация прошла также в Сирии, Ливане и Судане, а 29 мая об отправке нескольких воинских частей в помощь Египту объявили даже власти далекого Алжира. Близкий к президенту главный редактор ведущей каирской газеты «Аль-Ахрам» Мухаммед Хейкал (1923–2016) опубликовал 26 мая 1967 г. статью, в которой говорилось: «По моей оценке, Израиль не может смолчать и смириться с тем, что происходит сейчас. Дело в том, что сейчас следующий шаг за Израилем, он должен как-то ответить. Нам только остается ждать удара, направленного против нас»⁹. В Израиле компетентные специалисты внимательно читали публикации Мухаммеда Хейкала, воспринимая их как выражение мнений, разделяемых высшим руководством ОАР. Поскольку никакая страна не ждала удара, который оказался бы для неё сокрушительным, напрашивался вывод о том, что блокированием эйлатского порта Г.А. Насер провоцировал Израиль на начало боевых действий, после чего рассчитывал добиться триумфальной победы без того, чтобы он мог быть обвинён в беспричинной агрессии. Если эта точка зрения верна, то получалось, что египтяне ждали, когда Израиль сделает первый выстрел, чтобы дальше иметь возможность вести войну во всю мощь своих вооружённых сил, в которые Г.А. Насер и А.Х. Амер очень верили. При этом они не могли быть уверенными ни в том, что Израиль этот первый выстрел в самом деле сделает, ни в том, что их вооружённые силы настолько превосходят израильские, что этого будет достаточно для быстрого триумфа.

Нельзя сбрасывать со счетов и личностный фактор: единства мнений не было ни в израильском, ни в египетском руководстве. В Израиле идею пре-

⁸ Johnson L.B. *The Vantage Point: Perspectives of the Presidency, 1963–1969*. New York: Holt, Rinehart & Winston. 1971. P. 290

⁹ Эта статья была опубликована в газете «Аль-Ахрам» 26 мая 1967 г. (на арабском).

вентивного удара отстаивали новоназначенный министр обороны Моше Даян (1915–1981), командующий военно-воздушными силами Моти Ход (1926–2003), генерал Ариэль Шарон (1928–2014) и – особенно рьяно – заместитель начальника Генерального штаба Эзер Вейцман (1924–2005), тогда как глава правительства Леви Эшколь и особенно его предшественник Давид Бен-Гурион, устроивший форменный разнос посетившему его 21 мая 1967 г. начальнику Генерального штаба Ицхаку Рабину (Gluska 2007: 264–265), стремились избежать подобного развития событий. В египетском руководстве, насколько можно судить, более всего войны жаждал главнокомандующий армией Абд эль-Хаким Амер, который подталкивал к ней Гамалея Абд эль-Насера; разделение полномочий между ними было отнюдь не формальным, но обращает на себя внимание тот факт, что когда Г.А. Насер просил А.Х. Амера изменить текст требований к «голубым каскам» ООН, заменив глагол «вывести» на глагол «передислоцировать» и убрав местоимение «все» перед словосочетанием «эти войска», первый вице-президент ответил, что менять что-либо поздно, ибо письмо уже отправлено – без того, чтобы Г.А. Насер лично прочитал и утвердил его текст (Oren 2002: 67).

История не имеет сослагательного наклонения, но хорошо известно, что генералы М. Даян, М. Ход и Э. Вейцман в значительной мере смогли заставить Л. Эшколя отдать приказ о начале 5 июня боевых действий *вопреки* его собственному мнению¹⁰; получилось ли бы у них таким же образом переубедить Давида Бен-Гуриона, если бы он не ушёл в отставку за несколько лет до этого, а продолжал оставаться у руля государственного управления? Как бы вел себя Г.А. Насер, если бы рядом с ним не было А.Х. Амера и он бы не боялся конкуренции с его стороны, не опасался, что тот поднимет путч генералов, которые сместят его, подобно тому, как они сами, Г.А. Насер, А.Х. Амер и их сподвижники, отрешили от должности в 1954 г. президента Египта Мухаммеда Нагиба (1901–1984), поместив его под домашний арест, из-под которого он был освобождён, кстати, только в 1972 г. сменившим Г.А. Насера А. Садатом? У нас нет – и, увы, никогда не будет – ответов на эти вопросы. Важно понимать, что в те дни израильские руководители не знали, каковы подлинные планы и намерения их египетских коллег, которые, в свою очередь, также могли лишь догадываться о том, начнёт ли Израиль боевые действия – и если да, то когда. Египетские оценки ситуации, основывавшиеся на уверенности в подготовленности и мощи вооруженных сил этой страны, оказались в корне ошибочными, что война была проиграна армией Г.А. Насера ещё до того, как она в нее вступила – но всё это стало понятно лишь тогда, когда события уже произошли, и ни минутой раньше.

Оценка вероятности атаки армий арабских государств имела критически важное значение прежде всего потому, что риск для самого выживания Израиля (а ядерный потенциал страна к тому времени еще не обрела), связанный с воз-

¹⁰ О разногласиях по поводу начала войны между Л. Эшколем и генералитетом см.: Gluska 2007: 196–198; 223–237.

возможностью такой атаки, был высок. Тогдашний начальник Генерального штаба израильской армии Ицхак Рабин (в последующие годы он дважды становился главой правительства страны) сформулировал опасность, с которой столкнулся на этом этапе Израиль, следующим образом: «Вторжение объединённого контингента египетских, сирийских и иракских войск, начинающееся воздушным ударом»¹¹. Даже если вероятность такого развития событий была сравнительно небольшой, риск, что в этом случае Израиль был бы полностью уничтожен как государство, был высок – и понятно, что ни военное, ни политическое руководство не было готово этот риск на себя брать. Никто в Израиле не стремился к войне, но никто и не был готов гарантировать, что если война начнется в день и час, выбранный противником, по его сценарию, то её удастся завершить приемлемым для страны образом.

После израильско-египетской войны 1956 г. в Израиле были сформулированы несколько «красных линий», пересечение которых расценивалось как *casus belli*, оправданный повод для упреждающего удара. К концу мая 1967 г. Г.А. Насер пересёк целых три подобных линии: его войска заняли большую часть Синайского полуострова; он закрыл проход каким-либо судам в порт Эйлат; и заключил несколько военных союзов, которые ставили Израиль в крайне уязвимое положение (Bar 1990). Более всего израильтян беспокоило сосредоточение египетских войск (общая численность армии Египта составляла 240 тысяч человек, танков – 1200, самолетов – 450) на Синайском полуострове, площадь которого более чем вчетверо превышала территорию всего Израиля в границах до 4 июня 1967 г. Протяжённость израильско-египетской границы – более 270 километров в пустыне – превращала задачу её защиты в крайне трудную, и сомнительно – выполнимую ли вообще, для маленького государства.

В чём нет сомнений, так это в той критической – и резко негативной – роли, сыгранной сирийскими руководителями, которым Г.А. Насер не стал почему-то возражать. Выше уже отмечалась значимость сирийского фактора в эскалации конфликта в середине мая 1967 г., но едва ли не еще более важным стало сирийское вето на усилия, имевшие целью избежать войны. Так, ночью 2 июня советское руководство получило согласие Л. Эшколя и Г.А. Насера на экстренную встречу в Москве. Однако, узнав о возражениях премьер-министра Сирии Юсуфа Зуэйина (1931–2016) и президента Сирии Нуреддина эль-Атасси, президент ОАР отозвал свое согласие (Примаков 2012: 120–121). Эта упущенная возможность остановить сползание к войне является ярчайшим примером того, как вмешательство третьей страны – Сирии – не позволило Израилю и Египту избежать войны. Насколько известно, Л. Эшколь и Г.А. Насер так никогда лично и не встретились между собой.

Этот фактор играл свою резко негативную роль и позднее, уже после того, как Шестидневная война закончилась так, как она закончилась. 10 июля 1967 г.

¹¹ Рабин И. Служебный блокнот. В 2-х томах. Тель-Авив: «Маарив», 1979 [на иврите]. Т. 1. С. 206.

А.А. Громыко докладывал в ЦК КПСС: «Между главами отдельных арабских делегаций отношения с самого начала почти неприязненные. Давление экстремистской, нереалистической линии руководства Алжира и Сирии безусловно сказывается на позиции ОАР, Ирака, а также других арабских государств, которые тоже оглядываются на экстремистов, боясь быть обвиненными в излишней уступчивости в пользу признания Израиля как государства»¹². Подчеркнем: как «экстремистскую» и «нереалистическую» позицию сирийских руководителей характеризуем не мы, а министр иностранных дел Советского Союза – страны, которая всего лишь за месяц до этого, по свидетельству Е.М. Примакова, была готова «пойти на вооружённое вмешательство, чтобы предотвратить захват Дамаска и ликвидацию близкого к СССР, можно сказать, союзного сирийского режима» (Примаков 2012: 124). При жизни Г.А.Насера израильско-египетские отношения так и не вышли из зависимости от «экстремистской, нереалистической линии руководства Алжира и Сирии».

Израильские военачальники понимали, что получают большое преимущество, если нанесут удар первыми; в особенности это касалось военно-воздушных сил. Более того, как отмечал Ицхак Рабин, «сторона, начавшая воздушную атаку первой, получает огромное преимущество и на море, и на суше. Для Израиля воздушное преимущество было жизненно необходимо еще и потому, что враг мог начать бомбить районы, где было сосредоточено мирное население»¹³. Именно поэтому в конце мая – начале июня 1967 г. в Генеральном штабе израильской армии сложился консенсус в отношении необходимости нанесения превентивного удара; как свидетельствует изучение рассекреченных к настоящему времени протоколов заседания правительства и его президиума, ставший 1 июня министром обороны Моше Даян, как и присоединившийся в тот же день к кабинету Менахем Бегин – руководитель до этого бывшей в оппозиции Партии Свободы, видели ситуацию точно таким же образом. Премьер-министр Леви Эшколь до последнего стремился избежать войны, но инициатива уже явно была не в его руках. Само назначение М. Даяна, поддержанное многолетними непримиримыми противниками, Давидом Бен-Гурионом и Менахемом Бегиним, сумевшими поставить государственные и общенациональные интересы выше партийно-политических, на занимавшийся самим Л. Эшколем пост министра обороны произошло против его воли (Goldstein 2003: 559–563) и свидетельствовало о том, что глава правительства потерял право на решающее слово в вопросе о том, начнет ли Израиль боевые действия, и если да, то когда именно.

Когда в январе 1957 г. израильские силы отступали из Эль-Ариша на Синайском полуострове, главнокомандующий Моше Даян прибыл на место для участия в церемонии сворачивания флага. Когда его спросили, что он чувствует, М. Даян, по свидетельству тогдашнего главы его канцелярии, сказал одну из

¹² Телеграмма министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в ЦК КПСС, 10 июля 1967 г. // Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики РФ. Т. 2, С. 607.

¹³ Рабин И. Служебный блокнот. Т. 1. С. 140–141 (на иврите).

тех крылатых фраз, которые потом передавали из уст в уста: «Командиры ЦАХАЛа должны попробовать каждое блюдо: и сладкое, и горькое» (Bar-On 1998: 345). В то время М. Даян и не пытался скрывать испытываемую им горечь, но правительство во главе с Д. Бен-Гурионом согласилось с тем, что Израиль уйдет со всех, до последнего метра, территорий, занятых в ходе войны в конце октября – начале ноября 1956 г., и он беспрекословно следовал решениям политического руководства страны.

Спустя десять лет история предоставила Моше Даяну второй шанс: он вновь победоносно вел израильскую армию к Суэцкому каналу. М. Даян тогда и не догадывался о том, что спустя еще десять лет в качестве министра иностранных дел в правительстве М. Бегина будет вести переговоры, которые кончатся тем же, чем они кончились в 1957 г.: согласием Израиля на полное отступление с Синайского полуострова. Однако к тому времени ни Леви Эшколя, ни Гамала Абд эль-Насера, ни Абд эль-Хакима Амера уже не будет в живых...

Военные действия и их последствия

С того момента, как в Израиле было принято решение действовать на опережение, события развивались стремительно. Утром 5 июня 1967 г. израильская авиация нанесла неожиданные многократные удары по аэродромам, на которых располагались военные самолеты ОАР. Главной задачей первого удара израильской авиации было разрушение взлетно-посадочных полос и уничтожение максимального количества самолетов МиГ 21. Это были единственные египетские самолеты, которые могли эффективно препятствовать израильским ВВС в осуществлении их цели – уничтожить египетскую бомбардировочную авиацию дальнего радиуса действия, представлявшую большую угрозу для гражданского населения Израил¹⁴. В результате налетов был нанесен существенный ущерб египетской авиации и прежде всего самолетам МиГ-21, что снизило шансы Египта на победу в войне. Всего в первый день войны были подвергнуты бомбардировкам и выведены из строя большинство египетских аэродромов, включая международный аэропорт в Каире¹⁵.

¹⁴ Подробнее о начальном этапе войны рассказывается в книге: Черчилль Р. и Черчилль У. Шестидневная война. Москва/Иерусалим: Мосты культуры, 2003 [пер. с изд. на англ. яз. 1967 г.]. С. 119–129.

¹⁵ Станным образом, в литературе существуют значительные расхождения в отношении их количества. В подробном докладе «Арабо-израильские войны (1948–1982)», подготовленном в Генеральном штабе СССР по свидетельствам арабских офицеров, проходивших обучение в советских военных академиях, говорится, что «израильские ВВС нанесли внезапный удар по шестнадцати египетским аэропортам» (см.: Арабо-израильские войны. Арабский взгляд. Москва: Яуза. 2008. С. 66). В свою очередь, в книге бывшего посла Израиля в США Майкла Орена указано, что только «тринадцать [египетских] аэропортов стало невозможно использовать» (Oren 2002: 176); на опубликованной в книге карте воздушных боев указаны атаки израильских ВВС на тринадцать египетских аэропортов (Oren 2002: 173). Напротив, в книге Рэндольфа и Уинстона Черчилля-мл. указывается большее число: «В первый день войны были подвергнуты бомбардировке девятнадцать египетских аэродромов»; (см.: Черчилль Р. и Черчилль У. Шестидневная война. С. 119–129). Это же число – девятнадцать атакованных израильтянами «египетских военно-воздушных баз в Синае, в дельте Нила, в долине Нила и в районе Каира» – называет и Хаим Герцог; см. Герцог Х. 1986. Арабо-израильские войны. В 2-х томах. Лондон: Нина Карсов, 1986 [пер. с изд. на англ. яз. 1984 г.]. Т. 1. С. 227.

В то время как израильская авиация осуществляла бомбардировку египетских аэродромов, Х. Амер и военный министр Шамс эд-Дин Бадран пытались убедить президента в том, что «всё пока идет хорошо»¹⁶. В этом же египетский народ убеждало и государственное радио. Е.М. Примаков вспоминал: «Через несколько часов после того, как Израиль начал военные действия, в корпункте “Правды” собрались мои египетские коллеги – журналисты, друзья. Они с восторгом рассказывали о десятках сбитых израильских самолетов – каирское радио через каждые полчаса называло сногшибательные цифры, суммируя которые можно было представить, что уже в первые часы военных действий уничтожен чуть ли не весь военно-воздушный флот Израиля» (Примаков: 2009: 112). По каирскому радио (интересно было бы узнать, по чьей инициативе) транслировались сфальсифицированные от начала до конца информсводки, в которых утверждалось, будто египетские силы ПВО сбили 161 израильский самолет, а египетские ВВС, в свою очередь, бомбят израильские города и деревни вплоть до Тель-Авива, «возвращая арабскому народу чувство собственного достоинства, утерянное в 1948 г.» (Оген 2002: 178). «Но, – продолжал Е.М. Примаков, – к моменту встречи с моими египетскими друзьями я уже знал от наших специалистов, что на базе Каиро-вест были уничтожены египетские самолеты. ... Мои коллеги были обескуражены, подавлены этой информацией» (Примаков 2012: 112). Г.А. Насер рассчитывал, что египетская армия сможет, по крайней мере, задержаться на восточном берегу Суэцкого канала, однако израильской армии потребовалось всего трое суток, чтобы занять весь Синайский полуостров. Сто-тысячная египетская армия была разбита; около десяти тысяч человек погибли, а пять тысяч египетских солдат и офицеров были взяты в плен¹⁷.

Поражение в Шестидневной войне привело к череде политических потрясений в Египте. Вначале генералитет во главе с А.Х. Амером, не желая брать ответственность на себя, потребовал от Г.А. Насера сделать персональные выводы, и 8 июня глава государства объявил об отставке, выступив с телевизионным обращением к нации, объявив, однако, своим преемником не А.Х. Амера и не Ш. эд-Дина Бадрана, а бывшего премьер-министра страны Закарию Мохи эд-Дина (1918–2012). Последний был готов взять в свои руки рычаги управления в стране, однако ситуация изменилась быстрее, чем он успел что-либо сделать; заготовленный им текст телевыступления ему даже не довелось прочитать в эфире.

Сотни тысяч египтян пришли утром 9 июня к зданию Национальной ассамблеи, скандируя «Насер! Насер!»; улицы центра Каира были заполнены демонстрантами. Известен тезис о том, что эти массовые выступления были инспирированы и срежиссированы властями, однако тому нет документальных свидетельств – и весьма сомнительно, что массовые демонстрации подобного размаха можно было организовать «сверху» так быстро, особенно в условиях

¹⁶ Агарышев А. Гамаль Абдель Насер. Москва: Молодая гвардия, 1979. С.161–162.

¹⁷ Герцог Х. 1986. Арабо-израильские войны. Т. 1. С. 231–249.

постигшего военно-политическую элиту оцепенения в связи с масштабом военных потерь. На своем заседании парламент принял обращение к Г.А. Насеру, в котором, в частности, говорилось: «Вы – наш вождь, президент нашей Республики и останетесь нашим вождем и президентом»¹⁸. Советские власти также призвали Г.А. Насера остаться на своем посту, пообещав восстановить все утраченное в ходе боевых действий оружие (Примаков 2012).

Сориентировавшись, З. Мохи эд-Дин попросил Г.А. Насера пересмотреть свое решение и остаться у руля страны; после этого было сформировано новое правительство, в которое ни А.Х. Амер, ни Ш. эд-Дин Бадран, несмотря на поддержку со стороны генералитета, не были включены. Готовившаяся ими попытка государственного переворота с целью свержения Г.А. Насера была разоблачена, и 25 августа 1967 г. бывший военный министр Шамс эд-Дин Бадран и 55 отставных офицеров были арестованы на вилле А.Х. Амера. Ш. эд-Дин Бадран оставался в тюрьме до конца жизни Г.А. Насера и был амнистирован сменившим его на посту президента А. Садатом весной 1971 г.; насколько известно, он жив до сих пор. А.Х. Амеру повезло меньше: 15 сентября 1967 г. было объявлено о том, что бывший главнокомандующий вооруженными силами и первый вице-президент ОАР покончил жизнь самоубийством, приняв яд. Не будет преувеличением сказать, что он стал последним египтянином, погибшим на фронтах Шестидневной войны.

Об авторе:

Алек Д. Эпштейн – Ph.D. (социология, Иерусалимский университет, Израиль, 2001 г.), преподаватель Института им. Яакова Герцога, научный руководитель Центра изучения Израиля и диаспоры, P.O.Box 11278 Jerusalem 9111201E-mail: alekdep@g mail.com.

Благодарности:

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта по истории израильско-египетских отношений. Автор выражает благодарность Ю.Е. Гиверцу за конструктивные замечания, а А.А. Тару за помощь в подготовке рукописи к печати.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

¹⁸ Цит. по: Агарышев А. Гамаль Абдель Насер. С. 165.

Received: August 10, 2019
Accepted: August 20, 2019

The Lost Gambit: The Third War between Israel and Egypt, its Causes and Lessons

Alek D. Epstein
DOI 10.24833/2071-8160-2019-4-67-161-179

Yaacov Herzog College (Jerusalem)
Center for Israel and Diaspora Studies (Jerusalem)

Yevgeny Maximovich Primakov knew the Middle East so well as, perhaps, nobody else in Russia did: he worked in Cairo from 1965 till 1969 and visited the city regularly after that period of time. He was personally acquainted with all of the highest representatives of Egyptian political and military elite. He had visited Israel multiple times since August, 1971. Five Prime-Ministers of the Jewish state (Golda Meir, Yitzhak Rabin, Menachem Begin, Shimon Peres, Benjamin Netanyahu) were his interlocutors in different years. Whatever views and powers he had in different years of his extremely intensive and multifaceted activity, the Middle East lacks very much statesmen of such magnitude and with such depth of understanding of geopolitical and regional processes which distinguished Yevgeny Maximovich, to the memory of whom the current essay is devoted.

Abstract. The June War of 1967 year, which is called in Western and Israeli historiography the Six-Day War, has radically changed the Middle East. Dozens of books and hundreds of scientific articles on this war have been published. The current research demonstrates the central role of Egyptian leaders in the onset of the war which nobody sought for. These leaders were driven by considerations and interests of pan-Arab solidarity which significantly contradicted in this case the interests of Egypt itself. By analyzing the causes of the war of June 1967 between Egypt and Israel it is proved that they laid to a certain significant extent beyond the context of bilateral relations of these countries.

The tragic experience of June 1967 is important nowadays when it is taken for granted that a new war between Israel and Egypt could not erupt because these countries have nothing to divide after the return of the Sinai Peninsula. Once upon a time, in March 1957, Israel has already withdrawn its forces from the Sinai. The same situation of lack of territorial claims did not prevent abrupt escalation of conflict in May 1967 and the following outbreak of hostilities. Another important lesson is that security of any country, including Israel, cannot be guaranteed neither by deployment of the "blue helmets" nor by receiving American guarantees. As events of the second half of May 1967 demonstrated, both UN forces and American authorities were ready to shirk when the task of war prevention was most acute.

Key words: the Middle East, Arab-Israeli conflict, Six-Day War, Israel, Egypt, Syria, Pan-Arabism, the UN Emergency Force

About the author:

Alek D. Epstein – Ph.D. (Sociology, Hebrew University of Jerusalem, 2001), Yaacov Herzog College, reader; scientific director Center for Studies of Israel and Diaspora, P.O.Box 11278 Jerusalem 9111201. E-mail: alekdep@gmail.com.

Acknowledgements:

The current essay is a part of research project on the history of Israeli-Egyptian relations. The author would like to express his gratitude to Yuri Giverts for his thought-provoking comments, and to Alexander Tar for the skillful editorial assistance.

Conflict of interests:

Author declares absence of conflict of interests.

References:

- Bar M. 2012. "Red lines" of Israeli Strategy of Deterrence. Tel-Aviv: Ministry of Defense Press. 189 p. (In Hebrew)
- Bar-On M. 2012. Six Days, Six Unresolved Questions and Six Vectors for Future Research. In *Independence – The First Fifty Years*. ed. by A. Shapira. Jerusalem: The Zalman Shazar Center for Jewish History. P. 323–350. (In Hebrew)
- Daurov R. 2009. *Dolgaya Shestidnevnyaya Voyna: pobedy i porazheniya SSSR na Blizhnem Vostoke* [The Long Six-Day War: Victories and Defeats of the USSR in the Middle East]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. 238 p. (In Russ.)
- Epstein A.D. 2014. *Blizhayshiy soyuzniki? Podlinnaya istoriya amerikano-izraelskikh otnosheniy* [The Closest Allies? United States and Israel: the Hidden History]. Moscow: Mosty Kultury. 312 p. + 328 p. (In Russ.)
- Epstein A.D., Uritsky M.A. 2003. The Six-Day War and Contemporary Political Dynamics in the Middle East. *Vostok*. No. 2. P. 72–84. (In Russ.)
- Gluska A. 2007. *The Israeli Military and the Origins of the 1967 War*. London: Routledge. 324 p.
- Goldstein Y. 2003. *Eshkol. Biography*. Jerusalem: Keter. 789 p. (in Hebrew)
- Oren M.B. 2002. *Six Days of War. June 1967 and The Making of The Modern Middle East*. Oxford: Oxford University Press. 446 p.
- Primakov E.M. 2012. *Blizhniy Vostok na stsene i za kulisami* [The Middle East on the Scene and behind the Curtain], 2nd edition. Moscow: Rossiyskaya Gazeta. 416 p. (In Russ.)
- Shalom Z. 2007. *Diplomacy in the Shadow of War*. Tel-Aviv: Israel Ministry of Defense Press. 495 p. (in Hebrew)
- Zvyagelskaya I.D. *Istoriya Gosudarstva Izrail* [The History of the State of Israel]. Moscow: Aspekt-press. 2012. 360 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

1. Дауров Р. 2009. Долгая Шестидневная война: победы и поражения СССР на Ближнем Востоке. Москва: Институт востоковедения РАН. 238 с.
2. Звягельская И.Д. 2012. История Государства Израиль. Москва: Аспект-пресс. 360 с.
3. Примаков Е.М. 2012. Ближний Восток на сцене и за кулисами. 2 е издание, переработанное и дополненное. Москва: Российская газета. 416 с.
4. Эпштейн А.Д. 2014. Ближайшие союзники? Подлинная история американско-израильских отношений. В 2-х томах. Москва: «Мосты культуры». 312 с. + 328 с.

5. Эпштейн А.Д., Урицкий М.А. 2003. Шестидневная война и современная политическая динамика на Ближнем Востоке. *Восток*. №2. С. 72–84.